

ТРАДИЦИИ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. МУРАВЬЕВА

Анализируется проблема преемственности паломнического сюжета на материале творчества А.Н. Муравьева. В «Обзоре русских путешествий в Святую землю» писатель дает аналитическое осмысление паломнической традиции начиная с Древней Руси и вплоть до начала XIX в., создавая своеобразную модель паломнического сюжета, которая станет основой художественного осмысления этой темы. Рассмотрение «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» в контексте «Обзора...» позволяет проследить возникновение и развитие сюжета литературного паломничества и обозначить положение произведения Муравьева в контексте православной путевой литературы и светских «путешествий» начала XIX в.

Ключевые слова: паломничество; сюжет; религиозные мотивы; литературные традиции.

Паломническая литература как явление русской культуры появилась одновременно с самим религиозным феноменом, который лежит в ее основе. И это вполне объяснимо. Одной из причин, побуждавшей паломников описать свое странствие, на протяжении всего времени существования этой традиции оказывалось стремление вновь ощутить благоговение перед сакрализованным объектом, еще раз приобщиться к небесной гармонии, которой пронизаны святые места. С другой стороны, поклонниками руководило желание открыть эту благодать перед теми, кто не видел святых мест, не имел возможности соприкоснуться с ними.

В древнерусской литературе паломнические сочинения изначально создавались на основе переводных образцов (среди которых исследователями указываются проскинитарии, итинерарии, диэгисисы). К XII в. формируется особый жанр «хождение», который со временем претерпевает изменения, связанные с различными историко-культурными процессами, с влиянием светских «путешествий» (что особенно заметно в XVIII в.) и другими факторами, приведшими к появлению в начале XIX в. особой синтетической литературной формы «путешествия ко Святым местам», воплотившейся в творчестве А.Н. Муравьева. На основе этой жанровой модели Муравьев создал несколько произведений. В центре нашего внимания оказалось «Путешествие ко Святым местам в 1830 году», тематически и предметно близкое классическим образцам жанра.

При создании этого произведения Муравьев сознательно обращается к литературной традиции паломнических текстов, формировавшейся на протяжении нескольких веков. Третье издание «Путешествия...» писатель дополняет «Обзором русских путешествий в Святую землю», где дает аналитическое осмысление развития русской паломнической литературы начиная с Древней Руси и вплоть до начала XIX в. Муравьев подходит к этому вопросу с научной точностью – сличает разные списки древнерусских текстов (из Императорской и Синодальной библиотек), выверяет цитаты, комментирует ошибки современных издателей. Симптоматично, что, имея доступ к большинству древнерусских памятников путевой литературы, а также к паломническим сочинениям, написанным духовными лицами в XVIII в. (в то время это было доступно не каждому), Муравьев строго ограничивает круг анализируемых текстов. Он не ставит перед собой задачу описать как можно большее количество текстов, его цель – отобрать знаковые произведения, отражающие динамику развития паломнической литературы и самого феномена паломничества. В этой выборке можно

также проследить логику авторской мысли Муравьева, выделить основные ориентиры, на которые он опирался, создавая свои произведения. Внимательно изучив ключевые тексты, Муравьев создает в «Обзоре...» своеобразную модель паломнического сюжета, которая становится основой художественного осмысления этой темы в «Путешествии...».

«Обзор...» начинается с первого из дошедших до нас описаний странствия в Святую землю – «Жития и хождения Даниила Русьския Земли игумена», которое в свое время стало каноном жанра. Муравьев детально разбирает текст «Хождения», выявляя наиболее значимые для игумена моменты и сопоставляя их со своими впечатлениями. Первое, на что он обращает внимание, – это характерное для древнерусского литературного этикета самоуничижение автора: «Се азь недостойный игумен Данил русския земли, хужши во всех мнисех, смиренный грехи многими, недоволен сый во всяком деле блазе, понужен мыслию своею и нетерпением моим, похотех видети святыи град Иерусалим и землю обетованную <...>. Братиа и отци, господие мои, простите мя грешнаго и не зазрите худоумью моему и гробости, еже писах о святом граде Иерусалиме, и о земли той блазей, и о пути еже к святым местом» [1. С. 27]. Создавая собственное описание святых мест, Муравьев безоговорочно принимает этот элемент, переосмысляя его согласно мировоззренческим основам Нового времени, и уже в «Обзоре...» замечает: «и благо бы мне, позднешему поклоннику, если бы, повторяя устами его скромное моление, в том же смиренном духе посетил я Святые места» [2. С. 29]. В «Путешествии...» он писал: «Наконец, после жестокой длительной борьбы греков с империею Оттоманскою, привел и меня Господь посетить живописный искупительный гроб его, видеть бедствия и упадок сей великой святыни и описать ее по мере слабых сил моих» [2. С. 60].

Принципиально важным моментом Муравьев считает создание Даниилом в его произведении образа выделенного, сакрализованного пространства палестинской земли, приобщение к которому открывает возможность духовного совершенствования человека. В этом, отчасти, Муравьев видит смысл создания паломнических произведений. Обращает он внимание и на другую мотивировку описания странствия у Даниила: «Да кто убо, слышав мест сих святых, поскорбл бы ся душою и мыслию къ святым сим местом и равну мзду примут оть бога съ теми, иже будуть доходили святых сих мест» [1. С. 28]. Такая позиция Даниила была связана с тем, что в XII в. паломничество стало настолько распространенным явлением среди русских

людей, что Русская православная церковь начала обращаться к верующим с призывами оставить стремление посетить христианский Восток. Христианство проповедовало необходимость самоуглубления и сосредоточенности, которой мешает смена впечатлений во время путешествий. В Евангелии от Марка сказано: «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» [3. С. 93]. Как указывает архимандрит Никифор, автор «Полного православного богослужебного энциклопедического словаря», одним из наиболее активных противников дальних поездок стал именно игумен Даниил, на своем опыте ощутивший все положительные и отрицательные стороны паломнического пути в Святую землю и пришедший к выводу, что обрести духовное умиротворение можно и в пределах родного пространства [4. С. 1751].

Немалую роль в таком отношении к хождениям сыграл и тот факт, что вместе с рассказами о святынях паломники привносили в народ легенды и предания, которые могли противоречить догматам официального православия из-за включенных в них апокрифических и языческих мотивов. Именно размышления об искусительных опасностях пути и привели игумена Даниила к мысли о том, что «мнози бо дома суще, въ местех своих добрии человеци мысляю своею и милостынею убогих, добрыми своими делы, достигают мест сих святых, иже болшую мзду примут от бога спаса нашего Иисуса Христа. Мнози бо доходивше святых мест сих мест и святой град Иерусалим, и възнесешя умою своим, яко нечто добро сътворивше, и погубляютъ мзду труда своего» [1. С. 28]. Муравьев в «Обзоре...», акцентируя внимание на данной позиции Даниила, подчеркивает одновременное согласие,приятие этих мыслей и в то же время их временную и, как следствие, мировоззренческую трансформацию в его сознании. Для него как «позднейшего поклонника» важно не только передать сложившуюся в культуре традицию восприятия собственно паломничества и роли паломнических сочинений, но и воплотить в литературном произведении свои впечатления от соприкосновения со святыней: «Довольно путешественников прежде меня уже описали остатки Византии, но я не умолчу о тех впечатлительных, которые произвели на мое сердце знаменитые развалины <...>. У каждого свои чувства, свой образ мыслей, и потому может встретиться что-нибудь новое и занимательное в их излиянии при зрелище памятников великих» [2. С. 34].

Не меньшее значение в этом контексте Муравьев придает создаваемому им «Обзору...»: «Ныне же, поелику далеко отстал я по чувствам от сего и других моих предшественников в Палестине, постараюсь хотя возобновить соотечественникам память их благого подвига и в одном кратком обзоре соединю все имена тех русских паломников, которые оставили по себе описание посещенной ими святыни в назидание грядущих по их следам» [2. С. 29]. Стремясь создать наиболее полную, исчерпывающую картину святых мест, Муравьев восстанавливает по произведениям своих предшественников образы тех пространственных реалий, которые по разным причинам не смог описать сам (например, изображения разрушенных к XIX в. палестинских монастырей). Причем он старается макси-

мально точно передать не только пространственные детали, но и эмоциональную сторону – для этого писатель вводит в «Обзор...» подробные цитаты самих паломников. Желание Муравьева создать своего рода художественную энциклопедию святых мест в какой-то мере оправдалось – его книга стала первым сочинением религиозного содержания, написанным легким слогом и ориентированным на дворянское сословие. Граф М.В. Толстой писал о книге Муравьева: «Она первая ознакомила современных русских читателей с святынями палестинскими; своим *чистым, живым увлекательным словом* она возбудила в нашем, т.н., образованном обществе охоту к духовному чтению» (курсив мой. – Е.С.) [5. С. 2]. Подобного рода воспоминания о «Путешествии...» оставил П.С. Казанский: «Живо помню я, какое громадное впечатление произвела на нас эта книга. *Живость языка, картинность образов, горячил чувства благочестия и самый внешний вид книги, напечатанной на хорошей бумаге и хорошим шрифтом, – были чем-то новым, небывалым до того времени <...>. Зная понятия, степень образования, предрассудки высшего общества, он писал так, что его слова могли действовать на этот круг*» (курсив мой. – Е.С.) [6. С. 3].

После «Хождения» Даниила Муравьев обращается в «Обзоре...» к житийному тексту, который был опубликован им в знаменитом двенадцатитомнике «Жития святых российской церкви, также Иверских и славянских и местнотимых подвижников благочестия», – «Житию» Евфросинии Полоцкой, в 1173 г. совершившей паломничество в Святую землю. При рассмотрении этого текста он делает акцент на том, что русская паломница была погребена на Святой земле и позднее канонизирована. Это включает в контекст паломнической традиции идею Святой Руси. Идея святости родной земли, актуализированная в первом «Путешествии...» Муравьева, окажется основной в «Путешествии по Святым местам русским». Утверждение сакральной значимости отечественного пространства стало принципиально важным моментом в произведениях писателя. Образы «двух священных граней» (Палестины и России), ставших объектами духовного стремления «путешественника ко Святым местам», позволили читателям Муравьева приобщиться к сакральным идеям, заложенным в событиях библейской истории, и открыли для русских людей Нового времени те ценности, которым долго не придавалось должного значения в силу их близости и кажущейся обыденности. Речь идет о святости отечественного пространства, которая, подспудно осознаваясь каждым православным человеком, тем не менее долгое время оставалась на периферии эстетического восприятия.

Обращаясь к литературному изображению паломничества XV–XVI вв., Муравьев в «Обзоре...» акцентирует внимание на произведении иеродьякона Зосимы («Странник о хождении и бытии моем»), изданном Г. Строевым и потому отчасти уже знакомом современникам Муравьева. В «Страннике...» Зосимы, по замечанию Муравьева, преобладает лаконичная манера описания, по сути, сводящаяся к перечислению увиденных памятников христианской истории. Многие из них к XIX в. уже утрачены, поэтому Муравьев считает ценными любые, даже краткие сведения о

них. С особым вниманием он вчитывается в фрагменты, посвященные описанию конной статуи Юстиниана перед воротами Св. Софии и скульптурной композиции напротив церкви Апостолов – Ангела со скипетром Царьграда и императора Константина, держащего в руках Царьград. Большое значение Муравьев придает воссозданному Зосимой христианскому облику Храма Воскресения, поскольку во время его собственного посещения Иерусалима эта святыня уже была во власти мусульман, с куполов Храма были сняты кресты, а церкви Вознесения и Св. Сиона были обращены в мечети.

Специфичным представляется и то, как Зосима мотивирует собственное стремление изложить события и впечатления своего странствия: «Понеже глаголет писание: тайну цареву хранити добро есть, а дела божия проповедати преславно есть; да еже не хранити царевы тайны не праведно есть и се блазнено, а еже молчати дела божия, а преславная, беду наносит души» [2. С. 120]. Здесь уже актуализируется не столько желание донести до своих соотечественников благодать святых мест, что мы можем видеть у игумена Даниила, сколько нежелание умолчать о том божественном откровении, которое он обрел в ходе поклонения святыням. Греховность бездействия – это то, чего желает избежать Зосима, то, что он подчеркивает, вводя в контекст своего повествования притчу о талантах.

Особое внимание в «Обзоре...» уделено «Хождению Трифона Коробейникова» В. Позднякова, созданному во времена Ивана Грозного. Для Муравьева знаковой оказывается цель его странствия – отнести на Святую землю милостыню и помолиться за душу сына Ивана Грозного (в 1582 г. он был в составе посольства купца И.М. Мишенина, отправленного в Царьград, на Афон и на Синай с милостыней на помин души убитого Иваном Грозным сына). С одной стороны, здесь актуализируется одна из основных причин, по которой люди отправлялись к Святым местам, – представление о том, что молитва более действенна в местах, отмеченных особой сакральной значимостью. С другой стороны, подчеркивается механизация процесса – молитву может «передать» другой человек.

Подобная ситуация была более характерна для западной традиции, где духовенство создало особую форму епитимьи, обязывающую посетить в определенный срок Святую землю (с XIII в. к этой форме наказания стали обращаться и светские суды, приговаривая к паломничеству убийц). Специфично, что спустя некоторое время в дальний путь к христианскому Востоку отправлялся не осужденный, а его слуга или даже специально нанятый человек. Как указывается в энциклопедических источниках, в результате стали возникать целые «цеха» паломников, называемых в Германии *Sonnweger*. Для того чтобы совершить за определенную плату странствие в Палестина необходимо было получить разрешение церковных властей, а с конца XV в. требовалось уплатить и налог на выезд. Тем самым паломничество приобретало статус своего рода профессии, прагматического, а не собственно религиозного действия. Муравьев приводит еще один примечательный с его точки зрения факт: помимо милостыни, отправленной на Синай для строительства церкви Вели-

комученицы Екатерины на поминование погибшего сына, Иван Грозный построил на Белом озере синодик за убиенных там новгородцев – «на таком расстоянии вторят друг другу молитвы за упокой жертв того же грозного мужа!» [2. С. 41].

Подчеркнуть еще одну из особенностей паломнического пути призвано введение Муравьевым в «Обзор...» «Хождения» Василия Гагары. Здесь автор обращает внимание на образ паломнического пути, на семантику преодоления пространства в паломнических текстах: «Сие путешествие, равно как и другие современные ему, дают понятие, с каким неизмеримым трудом совершались тогда странствия в Иерусалим, где дивились пришествию Гагары, как бы некоему чуду, а потому поклонники сии заслуживают уважение, как лица, соединявшие своими путевыми трудами отечество наше с отдаленным востоком» [2. С. 47–48]. Путь паломника всегда нелегок: совершать его, преодолевать трудности уже есть подвиг, подвижничество со стороны идущего. Вслед за средневековым паломником для «путешественника ко Святым местам» идея пути предстает как миссия, религиозный акт преодоления реального пространства с целью духовного очищения через приобщение к святыням. Для повествующего героя произведений Муравьева важным является не только и не столько движение в зримом пространстве, сколько труд души, преодоление ее греховности на пути к совершенствованию. Поэтому перемещение по святым местам видится не только и не столько движением в горизонтальной плоскости, сколько постепенным восхождением по духовной вертикали. Реальное перемещение, таким образом, оказывается материально выраженной проекцией духовного пути.

«Проскinitарий» А. Суханова, также упомянутый в «Обзоре...», дает образец нового осмысления паломнического сюжета. Суханов отправляется на христианский Восток с особой миссией – его задача не только описать святые места, но и сопоставить русские богослужения с греческими. Муравьев обращает внимание на то, какое негодование и в большой мере разочарование вызывает у Суханова созерцание греческих церковных служб. Подобное чувство испытывает повествующий герой «Путешествия...». По прибытии к святым местам он опечален утратой христианами владения своими храмами и передачей христианских святынь в ведение иноверным. Чувство благоговения, испытываемое героем при соприкосновении со святыней, постепенно вытесняется ощущением горечи при взгляде на оскверненные Святые места. Внутренне осознавая сакральную ценность святынь, «путешественник» не может не признать несоответствие их внешнего облика тем высоким событиям, свидетелями которых они стали.

Сакральные смыслы, заключенные в объектах поклонения, не утрачивают своей значимости для повествующего героя, но он, как светский человек, разделяет религиозную сущность и внешний взгляд на Святые места. Таким образом, мотив разочарования, замеченный Муравьевым уже в «хождении» Суханова, проходит через все его собственное произведение, реализуясь в различных аспектах: нравственно-религиозном, эстетическом, культурном – в зависимости от того, что по-

служило причиной ослабления первоначальной восторженности повествователя. На фоне рассуждений о соотношении сакральной и сакрализованной сфер Муравьев положительно оценивает включение Сухановым в текст «хождения» отрывков из Священного Писания.

Обращаясь к паломнической литературе XVIII в., Муравьев включает в «Обзор...» записки С.И. Плещеева, а также «Путешествие» инока Саровской пустыни Мелетия как образцы литературы Нового времени. Начиная с петровских времен формируется новая форма путевой литературы, отчасти вытеснившая религиозную разновидность жанра. Такое смещение акцентов было предопределено политической и общекультурной ситуациями: путешествия в Европу, предпринимавшиеся еще в XV в., в XVIII в. становятся рекомендованной государством нормой жизни русского дворянства. В связи с этим меняется не только образ «путешественника», но и отношение к миру: традиционное для паломнической литературы деление пространства на сакральные и грешные участки переосмысливается и утрачивает свое первоначальное значение [7. С. 520–521]. Кроме того, под влиянием идей Просвещения возник огромный спрос на культурный, исторический, этнографический материал. Изменения, происходившие в литературе «путешествий» в целом, изменили и внутреннюю организацию паломнической литературы. С 30-х годов XVIII в. в описаниях «хождений» к святым местам усиливается индивидуальный, авторский, компонент, включающий повествование о личных переживаниях поклонника, возникающих при созерцании святыни, и рассуждения о православной вере.

К этому же времени относится сочинение «пешеходца» В. Григоровича-Барского (Киевского), которое подробно разбирается Муравьевым в «Обзоре...». Такое внимание не случайно. Созданное Григоровичем «Странствование по святым местам востока» – наиболее объемное и популярное среди известных современной Муравьеву публике «хождение» (поскольку было опубликовано в 1778 г. князем П.С. Потемкиным). Для Муравьева это произведение становится своего рода эталоном описания паломничества в литературе Нового времени. Особого уважения заслуживает, по мнению Муравьева, духовный настрой автора, который сродни древнерусским поклонникам Святой земли: «В нравственном же отношении Барский превосходит всех новейших путешественников Святой земли. С каким теплым чувством веры идет он в путь, с каким самоотвержением одолевает все препятствия! <...> Одним словом – убогий паломник, инок Василий, своими многотрудными странствиями стоит высоко над всеми его последователями в Палестину, и каждый из нас чувством невольного умиления должен поскорбеть о своем недостойнстве, и о суетном, житейском странствовании по Святой Земле, когда имел перед собою столь великий пример между соотечественниками» [2. С. 55]. Такая «образцовость», подчеркнутая автором «Обзора...», была особенно актуальна на рубеже XVIII–XIX вв., когда Россия вновь находилась в состоянии культурного самоопределения.

Следующий этап развития литературных паломничеств приходится на эпоху романтизма, когда этот жанр вновь становится актуальным. Причины, предо-

пределившие всплеск собственно паломничеств и их литературных описаний, повлекли за собой существенные изменения и в жанровой структуре. Художественное описание странствия ко Святым местам как элемент литературы Нового времени не могло не отразить те процессы, которые происходили в русской литературе в целом. У писателей начала XIX в. осязательным интерес к древнерусской традиции поклонения Святой земле, несмотря на то что к этому времени «путешествия на Восток давно уже перестали быть подвигами и что беспрестанные странствования туристов установили уже почти везде некоторые условия того европейского комфорта, который для всех составляет предмет первой необходимости» [8. С. 3].

К 1847 г. в Палестине была создана русская духовная миссия в Иерусалиме. Инициатором организации этой миссии стал именно А.Н. Муравьев. И тем не менее посещение Святой земли снова видится делом, доступным и полезным не каждому, а только избранным [8. С. 70].

К началу XIX в. возрастает и потребность самой публики в чтении подобного рода сочинений. В связи с этим осуществляется немалое количество переводов, среди которых выделяются «Посетитель и описатель святых мест, в трех частях света состоящих, или Путешествие Мартына Баумгартена в Египет, Аравию, Палестину и Сирию» (1794); «Путешествие из Парижа в Иерусалим...» Ф.Р. де Шатобриана, которое было переведено дважды («Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж...» в переводах П. Шаликова и И. Грацианского); сочинения Ж.-Ф. Мишо и Ж.-Ж.-Ф. Пужула («Очерки Иерусалима и святых окрестностей, Вифлеема, Вифании, Иордана, пустыни св. Иоанна, монастыря св. Саввы, Хеврона и проч. Из переписки о Востоке Мишо и Пужула»). Но ни одно из этих произведений, по мнению Н.Г. Чернышевского, не могло полностью удовлетворить духовные потребности русского читателя [10. С. 520]. Российская публика требовала оригинального, самобытного описания Святой земли русским человеком. Но описания странствий крепостного крестьянина графа Шереметьева Кира Бронникова и востоковеда Д.В. Дашкова, которые были созданы в это время, не удовлетворяли духовным потребностям времени. И если произведение Бронникова написано в духе древнерусских традиций и отражает «простосердечный», по определению Муравьева, рассказ о посещении Афона накануне его разорения, то «Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году» Дашкова в значительной степени носит практический, даже научный характер. Последний подход к описанию увиденного отражал характер эпохи: по замечанию Муравьева, «в нынешнем веке требуется от путешественника статистический взгляд на ту страну, которую он посещает» [2. С. 185]. Это несколько сглаживает религиозный аспект осмысления странствий по Палестине, обуславливающий глубокое духовное наполнение паломнического сюжета, которое было характерно для традиционных «хождений».

Следующим звеном в этом ряду оказалась книга самого А.Н. Муравьева, которая заняла особое место среди литературных «путешествий» паломнического типа.

В декабре 1829 г. Муравьев отправился в Палестину и Египет. Вернувшись из полугодового путешествия, он поселился в Петербурге, где в 1832 г. выпустил книгу «Путешествие ко Святым местам в 1830 году», в которой контаминировались паломнический опыт прошедших столетий, стиль святоотеческой литературы и личные духовные переживания автора, испытанные во время долгого путешествия к местам земной жизни Христа. Опираясь на духовную традицию «хожений» и светскую

традицию «путешествий», Муравьев дает новую интерпретацию паломнического сюжета. Глубочайшее религиозное чувство, которым пронизано его произведение, сочетается с аналитизмом светского наблюдателя, тщательно исследующего и оценивающего увиденное. При этом два типа мировосприятия не вступают в противоречие друг с другом, а гармонично сосуществуют в сознании повествующего героя, создавая целостное представление о сакрализованном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Житие* и хоженье Данила Русьския земли игумена // Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост. Н.И. Прокофьев. М. : Советская Россия, 1984.
2. *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году. 3-е изд. СПб., 1835.
3. *Новый завет.* Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2003.
4. *Никифор, арх.* Полный православный богослужебный энциклопедический словарь. М. : Св. Троице-Сергиева лавра, 1990.
5. *Толстой М.В.* Памяти Андрея Николаевича Муравьева. М., 1874.
6. *Казанский П.С.* Воспоминание об А.Н. Муравьеве. М. : Унив. Тип. (М. Катков), 1877.
7. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб. : Искусство-СПБ, 1997. С. 484–564.
8. *Записка* о поклонниках Святому гробу Господню. Б.м., б.г. (Из фондов Научной библиотеки ТГУ).
9. *Моторин А.В.* Образ Иерусалима в русском романтизме // Христианство и русская литература. СПб. : Наука, 1996. Сб. 2.
10. *Чернышевский Н.Г.* Путешествия А.С. Норова // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 2 : Статьи и рецензии (1853–1855). М. : Гослитиздат, 1949.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 февраля 2011 г.